

И. В. Григорьева

Концепты «менталитет» и «этнос» в контексте изучения межэтнического диалога

Статья посвящена проблемам выявления особенностей концепта «менталитет» как методологического основания понимания концепта «этнос» в культурологическом знании. Эта научная работа важна для улучшения взаимодействия, гармонизации и развития межнациональных отношений.

Ключевые слова: концепт «менталитет», концепт «этнос», межэтнический диалог, межнациональные отношения.

I. V. Grigorieva

Concepts "Mentality" and "Ethnic" in the Context of Interethnic Dialogue Research

The article explores defining features of the concept "mentality" as a methodological basis to understand the concept "ethnic" in the cultural knowledge. This scientific work is of great importance to improve interaction, harmonization and development of interethnic relationship.

Keywords: concept "mentality", concept "ethnic", interethnic dialogue, interethnic relationship.

Для современного общества особую значимость приобрела проблема сочетания универсальных принципов и ценностей с позитивным отношением к различиям, в том числе этническим. Концепт «менталитет», на наш взгляд, в современном культурологическом знании остается надежным методологическим основанием понимания концепта «этнос», поскольку человечество сегодня активно решает проблему актуализации различий – не только национальных, но и культурных, гендерных, расовых, религиозных.

Уже древние мыслители (Геродот, Фукидид), занимавшиеся историческими описаниями, замечали, что каждый народ имеет специфические черты, отличающие его от других народов.

В середине XIX в. сложилась школа психологии народов, создателями которой были философ Лазарус и языковед Штейнталь. Их концепция состояла в том, что благодаря единству происхождения и среды обитания «все индивиды одного народа носят отпечаток... особой природы народа на своем теле и душе. Главной силой истории является народ, или «дух целого», выражающий себя в искусстве, религии, языках, мифах, обычаях. Индивидуальное сознание – продукт этого целого звена в некоей социально-психологической связи. Цель школы психологии народов заключалась в том, чтобы познать сущность духа народа, открыть законы, по которым протекает духовная деятельность народов. Народный дух понимается как психическое сходст-

во индивидов, принадлежащих к одному народу, и одновременно как их самосознание (народ есть некая совокупность людей, которые смотрят на себя как на один народ, причисляют себя к одному народу).

Эти законы были развиты и систематизированы В. Вундтом в «Лекциях о душе человека и животных» и в «Психологии народов» [1]. Вундт придал психологии народов более реалистичный вид, предложив программу эмпирических исследований языка мифов, обычаев – своего рода социологию обыденного сознания. Психология народов становилась описательной наукой, фиксирующей особенности «глубинных слоев» духовной жизни людей.

Вундт возражал против прямой аналогии вплоть до отождествления индивидуального сознания и сознания народа. По его мнению, народное сознание есть творческий синтез (интеграция) индивидуальных сознаний, результатом которого является новая реальность, обнаруживающаяся в продуктах сверхиндивидуальной или сверхличностной деятельности в языке, мифах, морали.

Затем идеи Вундта были развиты в понимающей психологии Дильтея и Шпрангера, а также французской социологической школой, согласно которой, все индивиды одного народа имеют черты специфической природы, которая накладывает отпечаток как на физические, так и на духовные характеристики представителей одного на-

рода, вследствие чего они обладают одним народным духом. Дюркгейм усматривал в развитии общественного сознания главное содержание исторического процесса. Аналогичные идеи развивал Г. Лебон, утверждавший, что каждая раса обладает устойчивой психологической организацией. Совокупность моральных и интеллектуальных особенностей, выражающая душу народа, представляет собой синтез наследства всех предков [2].

Под несколько другим углом зрения рассматривал культурно-исторический процесс американский ученый Л. Ф. Уорд (1843–1913), автор книг «Динамическая социология» (1883) и «Психические факторы цивилизации» (1893). Происхождение культур он считал высшей ступенью эволюционной лестницы, синтезом всех природных сил, сложившихся в ходе космо-, био- и антропогенеза. Качественное отличие новой социально-культурной реальности он видел в наличии в ней чувства и цели. Таким образом, человек в культурной истории действует сообразно с сознательными целями. Первичными желаниями (потребностями) человека являются жажда, голод и половые потребности. На их основе складываются более сложные интеллектуальные, моральные, эстетические желания, служащие основой для совершенствования общества, его улучшения («мелиоризма», по терминологии Лестера Уорда). В концепции Уорда привлекает внимание анализ происхождения и роли удовольствия и страдания в жизни человека, исследование такого феномена, как счастье (свобода от страданий), и психология изобретений. Наряду с индивидуальными целями он признавал существование коллективных целей, носителем которых была отдельная культура [3].

Определенный вклад в психологическое изучение культур внес профессор Йельского университета социолог У. Самнер (1840–1910). Основной его труд, посвященный этой теме, – «Народные обычаи» (1906). В понятие «обычай» он включает все культурно обусловленные, стандартизованные формы поведения. В качестве причин появления и существования обычаев он выделяет группы взаимодействий или факторов. Первая связана с борьбой людей друг с другом или с окружающей природой. Обычаи в этом случае представляют собой определенные виды защиты и нападения в процессе борьбы за существование. Кроме этого, обычаи есть продукты четырех мотивов человеческих действий (голод, сексуальная страсть, честолюбие, страх).

Большую известность приобрели понятия У. Самнера «мы» – группа и «они» – группа. Отношения в «мы – группа» – отношения солидарности, тогда как между группами преобладает враждебность. У. Самнер дал одно из первых определений этноцентризма как «взгляда, согласно которому собственная группа представляется человеку центром всего, а все остальные оцениваются по отношению к ней».

В 20-х гг. XX в. в изучение «духа народа» было внесено понятие «менталитет». Его разработкой занимались представители историко-психологического и культурно-антропологического направлений: Леви-Брюль, Люсьен Февр, Марк Блок. В первоначальном контексте «менталитет» означал наличие у представителей того или иного общества, трактуемого как национально-этническая или социально-культурная общность людей, некоего определенного «умственного инструментария», своего рода «психологической оснастки», которая дает возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя.

Понятие «менталитет» близко понятию «социальный характер» у Э. Фромма, а также понятие «архетип» Г. Юнга.

В узком смысле менталитет – это то, что позволяет единообразно воспринимать окружающую действительность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными установившимися в обществе нормами и образцами поведения, адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга.

В современном научном понимании менталитет – это «совокупность символов, формирующихся в рамках каждой данной историко-культурной эпохи и национальности. Эта совокупность символов закрепляется в сознании людей в процессе общения с себе подобными, то есть путем повторения. Эти символы (понятия, образы, идеи) служат в повседневной жизни объяснением, способом выражения знаний о мире и человеке в нем.

Менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через

– систему взглядов и оценок, норм умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях;

– язык. Анализ языка позволяет весьма точно выявить культурную специфику отношения людей к окружающему миру и представляет внут-

ренный мир человека. Через язык можно узнать стиль мышления;

– доминирующие в данной группе мотивы, через иерархию ценностей, которые проявляются в убеждениях, идеалах и интересах. Все это позволяет выявить социальные установки, обеспечивающие готовность действовать определенным образом. Менталитет наиболее отчетливо проявляется в типичном поведении людей, представителей данной культуры, выражаясь прежде всего в стереотипах поведения и принятия решения, означающих на деле выбор одной из поведенческих альтернатив;

– эмоциональную сферу, через господство каких-либо чувств;

– анализ основных социально-политических и этнических категорий, которыми оперирует обыденное сознание: «свобода», «труд», «время», «пространство», «семья».

Русский ученый-медиевист А. Я. Гуревич разработал подробную структуру ментальности, основными составляющими которой являются:

1. Образ природы и способы воздействия на нее.

2. Восприятие пространства и времени и связанная с этим трактовка исторического процесса.

3. Соотношение мира земного и потустороннего и соответствующее этому понимание и переживание смерти. Соотнесение естественного и сверхъестественного. Понимание места человека в системе мироздания.

4. Отношение к миру вещей: к труду, собственности, к богатству, бедности, к сферам деятельности.

5. Отношение к свободе (Власть, свобода, подчинение. Свобода и несвобода).

6. Установка на новое, нетрадиционное (традиционные/новационные культуры).

7. Социальные установки: детство, старость, семья, половой деморфизм.

8. Отношение к бытованию различных видов источников информации (устная/письменная; словесная/несловесная культуры). [4]

Этнос как большая социальная общность представляет собой сложную систему, у которой в процессе филогенеза появляются свойства, какими не обладают составляющие ее элементы – индивиды. Эти свойства на уровне коллективно-бессознательного уравнивают или возмещают «шероховатости» и «недостатки» индивидуального бессознательного.

В 50-е гг. основным направлением, конкурирующим с исследованием психологии народов,

было изучение «картины мира» (world-view). Оно связано с воскрешением идеи Рут Бенедикт об «этосе» культуры. Специфические оттенки поведения в любых случаях указывают на «этос». Они являются выражениями стандартизированной системы эмоциональных установок. В этом случае люди временно принимают определенный комплекс чувств в отношении остального мира, определенную установку по отношению к реальности, и они будут шутить над предметами, о которых они в другое время будут рассуждать серьезно...

Концепция «картины мира» была сформулирована Робертом Редфильдом (1897–1958) и ассоциируется прежде всего с его именем. По определению Редфильда, «картина мира» – это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире. «Картина мира» отличается от таких категорий, как «этос» культуры, способ мышления, «национальный характер». Если концепция «национального характера» касается прежде всего взглядов на культуру со стороны внешнего наблюдателя, то «картина мира», напротив, изучает взгляд члена культуры на внешний мир. Это как бы комплекс ответов, даваемых той или иной культурой на извечные вопросы бытия: кто такой я и кто такие мы?

Концепция «картины мира» предполагает, прежде всего, когнитивное содержание – информацию о способе познания людьми окружающего мира. Но на практике исследователи, описывающие образы мира, присущие тем или иным народам, изучают в большей мере не то, как народы познают мир, а результаты этого познания: космологические, онтологические, эсхатологические системы. В этнологических работах «картина мира» оказывается этнографической абстракцией, то есть попыткой антрополога дать целостный образ «туземной философии», смоделировать за «туземца» его философскую систему. Таким образом, описание «картины мира» оказывается в значительной мере исследовательским методом.

Разрозненные элементы картины мира присутствуют в сознании человека в качестве фрагментов, не вполне стыкующихся между собой. Это становится ясно при попытке облечь картину мира в слова.

Однако это не означает, что, опираясь на осознаваемые фрагменты, картину мира нельзя реконструировать как логическую целостность,

мифологему реальности, стройную и взаимосвязанную. Но при попытке такой реконструкции окажется, что изнутри ее самой содержатся значительные внутренние противоречия. В один и тот же период различные группы внутри этноса могут иметь разные картины мира, у которых имеется общий каркас, но различаются сами здания (схемы), а логика поведения, исходящая из одного источника, на практике проявляется совершенно различным, порой даже противоположным образом.

Как известно, наполнение этнических констант конкретным содержанием представляет собой сцепление бессознательного образа с фактами реальности, или, если говорить на языке психоаналитиков, представляет собой трансфер – перенос бессознательного комплекса на реальный объект. Это сцепление может быть более или менее прочным и сохраняется до тех пор, пока данный объект может нести такого рода нагрузку внутри этнической картины мира и опыт этноса не начнет явно расходиться с реальностью. Тогда последует новый перенос – на другой объект. Так происходит формирование конкретного «образа защитника» и «образа врага» (безразлично, персонифицированных или нет). Аналогично осуществляется явление, которое можно назвать автопереносом: человек приписывает себе те качества, которые заложены в бессознательном его «образе себя» (концепции «мы» и концепции «я»).

В каждом случае трансфер и автотрансфер совершаются синхронно, так что на реальную действительность переносятся не только характеристики бессознательных образов, но и их диспозиция и взаимодействие. Таким образом, постоянной чертой любой картины мира, присущей в различные исторические периоды этносу, является ее баланс: соотношение «сил добра» и «сил зла» не меняется. Такой баланс во многом определяет «карту» этнической картины мира: если внешняя угроза возрастает, то, соответственно, либо увеличивается представление о собственном могуществе, либо дополнительная психологическая нагрузка падает на «образ защитника» в любой его форме.

Последнее зависит, в свою очередь, от имеющихся в наличии потенциальных объектов трансфера и от диспозиции «образа себя» и «образа защитника». Структура отношений между бессознательными образами переносится на реальный опыт и определяет способ действия людей. Они действуют в соответствии с перенесенными ими на себя качествами, в рамках пред-

ставления о коллективе и его внутренних качествах и связях, заложенных в их бессознательном.

Так, например, процесс освоения территории связан с адаптацией человека к среде обитания (природной и социокультурной) – в том числе с психологической адаптацией. В ее ходе формируются определенные модели человеческой деятельности, имеющие целью снизить степень психологической дисгармонии от восприятия человеком мира, сделать мир более комфортным. Эти модели всегда в той или иной степени иррациональны, хотя часто получают якобы рациональное истолкование. Однако более пристальный взгляд на характер освоения народами новой территории показывает, что в поведении людей сплошь и рядом обнаруживают себя незаметные для них нелогичности, как следствие психологической адаптации человека к окружающему миру.

Если давление или угроза со стороны внешнего мира становятся столь велики, что реальность уже не укладывается в принятую этносом картину мира, то традиционное сознание этноса во всех его модификациях лишается необходимых адаптивных свойств и начинает распадаться. Конфликтность этноса по отношению к внешнему миру резко возрастает, а в сознании его членов появляются элементы трагичности и обреченности.

Последнее закономерно, поскольку в рамках данной этнической культуры в этот период отсутствует рационализированный, адаптированный образ мира. В нем источник опасности должен быть сконцентрирован, локализован, определено средство защиты от опасности. При отсутствии такого образа враждебность, опасность кажется «разлитой» в мире и потому непреодолимой. Для того чтобы сохранить свою идентичность, этнос должен найти приемлемый вариант совершенно новой картины мира.

Это означает существенную реорганизацию всей жизни этноса. Будучи не в силах изменить мир так, чтобы иметь возможность спроецировать на него свою «центральную зону», этнос меняет себя (свою внутреннюю организацию), принципы своей организации, и через это устанавливает необходимый баланс.

Нельзя сказать, что вначале складывается картина мира, а затем реальность перестраивается так, чтобы ей соответствовать, – эти процессы параллельны.

Пока носитель традиционной культуры находится в сфере конкретных ситуаций, предусмотренных его культурой, он свободно оперирует

всем набором конкретных способов поведения, полученных по наследству, но, попадая в новую обстановку, может оказаться совершенно беспомощным. Здесь непригодны старые правила поведения, а трансформировать их, перегруппировать, человек не может, так как не имеет четко сформулированных принципов – правил порождения не поступков, а способов поведения.

Эмиль Дюркгейм описал это так: «В нас есть два сознания: одно содержит только состояния, свойственные лично каждому из нас и характеризующие нас, между тем как состояния, обнимаемые вторым, общи всей группе. Первое представляет и устанавливает только нашу индивидуальную личность, второе представляет коллективный тип и, следовательно, общество, без которого он не существовал бы... Но эти два сознания, хотя и различные, связаны друг с другом, имея для обоих себя только один-единственный субстрат. Они, следовательно, солидарны. Отсюда возникает своеобразная солидарность, которая, возникнув из сходств, связывает индивида прямо с обществом» [5].

«Общество внутри нас», существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний, и есть наш *национальный характер*. Он есть часть нашей личности. Этнопсихология изучает это явление, определив его понятием «модальной личности» или «базовой структуры личности».

Таким образом, при сравнении понятий «ментальность», «картина мира» и «национальный характер» речь всегда идет об устойчивом, повторяющемся наборе черт.

Концепт (или понятие) «этнос» – греческого происхождения, которое, как известно, имело несколько значений: народ, племя, толпа, группа людей, и указывало на всякую совокупность одинаковых живых существ, имеющих некие общие свойства. Термин «этнос» в современном его понимании появился во второй половине XIX в., однако до сих пор нет устоявшейся точки зрения на его сущность и значение.

Помимо единства территории и традиций, морфология культуры, логика ее развития отразились на формировании целостности этноса. Так, ранней формой культуры, религии и самоопределения (идентификации) человека был тотемизм (поклонение и обожествление животного, реже растения, как первопредка, кровного родственника, родителя) с коллективной логикой. Это механизм одновременно локальной интеграции и

дифференциации человеческого коллектива. Уже в доэтническом периоде формируется универсальная оппозиция «мы – они», «свои – чужие», она носит архетипический характер и руководит человеком по сей день.

Помимо древних первичных условий, необходимы критерии, объединяющие людей в народ, призванные дифференцировать этнические группы [6, 7]:

1. *Тип физического облика*. Действенен только при различении рас, в европейской же общности, например, он не может быть критерием.

2. *Единство происхождения*. Однако этнография не может назвать жестко изолированные племена, которые стали родоначальниками тех или иных народов.

3. *Единство места проживания*. Но при этом цыгане, расселившиеся по Европе, а затем по всему миру, не лишены целостности как народ.

4. *Единство языка*. Хотя испанцы, аргентинцы, кубинцы говорят на одном языке, являясь разными народами. По оценкам специалистов, в мире насчитывается до 30 тыс. разных языков, а народов – около тысячи, что исключает возможность определять этничность только по языку.

5. *Самоназвание (этноним)* часто указывается среди критериев определения этноса как важный элемент исторической памяти народа, позволяющий фиксировать различие между «мы» и «они».

Народ – это генетическая общность, с одной стороны, и социальная, с другой. Этноссы чаще всего возникают как человеческие популяции, но в дальнейшем развиваются как социальные системы. Это социальная группа, членов которой объединяет этническое самосознание – сознание своей генетической связи с другими представителями этой группы. Причем это не столько действительная генетическая связь, сколько представление о ней. Если говорить о коллективном сознании, то уместным будет употребление термина Л. Н. Гумилева «этническая доминанта» – система политических, идеологических или религиозных ценностей, служащих объединяющим началом для формирования этнической системы. [8]. Этногенез (то есть вся совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица) тесно связан с изменением и развитием информационной знаковой системы (более, чем с кровным родством, ведь этнос – это скорее феномен культуры, нежели природы) [9].

Существуют два основных подхода для описания происхождения этноса. Первый: этнос – это сообщество, возникшее в результате естественно-исторического процесса. Второй: этнос сформирован целенаправленно, например, начало этногенезу исландцев положил викинг Арнарсон, основав первое поселение в Исландии. Л. Н. Гумилев приписывал значительную роль в формировании этносов «пассионариям» – особо активным людям, хотя сам процесс этногенеза он рассматривал как сугубо природный, объясняя исторические явления природными («извержениями биосферы») [10].

Традиционно этнологи выделяют три основные стадии этносоциального развития человечества: первобытно-общинное племя, народность, образующуюся в процессе сплочения и развития близких по культуре племен, и нацию – общность, типичную для нового времени, объединенную не только территорией, культурой, языком, но и общей экономической жизнью, государственностью. В первобытном племени все творится по закону предков. Процесс накопления культурных навыков чрезвычайно медленный, незаметный в жизни поколения. Традиции, освященные предками, регламентируют всю жизнь племени, передается и закрепляется в сознании потомков лишь то, что оказалось целесообразным: не только трудовые навыки, но и осмысление явлений природы, проблем жизни и смерти, космогонические представления, воплотившиеся в мифологии. В таком обществе межплеменные связи чрезвычайно слабы и не играют заметной роли.

Группа близких племен образует народность. Объем знаний и представлений о мире качественно меняется – появляющаяся на этой стадии развития письменность позволяет этой новой информацией охватить значительно большее число людей. Рассказчик мифов, легенд или случившегося недавно передает свои знания непосредственно конкретным слушателям, в то время как написанное живет уже самостоятельной жизнью. Появляется проблема сохранения исторических ценностей [11]. Законы и традиции предков могут забыться, и именно на этой стадии развития человечества появляются эпические сказания, повествующие о давно ушедших временах – попытка спасти для современников информацию о безвозвратно ушедшем прошлом. Когда отсутствуют устойчивые экономические связи между различными частями этноса, решающую роль в консолидации народности играют политические

и духовные факторы (централизованное, нередко абсолютистское государство, религиозные отношения, центры культуры). По мере развития экономических связей, становления рыночной экономики именно эти факторы начинают выступать в качестве основной объединяющей силы, и народность консолидируется в нацию.

Национальное государство оказалось адекватной или, другими словами, удобной политической формой для развития рыночной экономики. Но воссоединение близких этносов и их земель в составе одного буржуазного государства обернулось не только новым экономическим и политическим единством. В XIX в. в истории человечества появились нации – новые образования, сплоченные не только экономически и политически, но и силой человеческого духа. Нация – это объединение людей, живущих на большой территории, а потому не только утративших кровное родство, но даже незнакомых друг с другом. И в этом случае люди различают «своих» и «чужих» иначе, чем это было в этносе. Их единство выражает себя не столько внешне, сколько внутренне. И в связи с этим особую роль начинает играть феномен национальной идентичности.

Уже в античности имел место конфликт между местными племенными обычаями и теми всеобщими принципами, от имени которых выступала философия. То же самое касается духовной культуры европейского Средневековья, Возрождения и Нового времени. Создаваемая образованным меньшинством, такая культура противостояла этнической культуре большинства, усугубляя различия между высшими и низшими условиями. Ситуация радикально меняется с появлением общенациональной жизни, формированию которой способствует не только национальный рынок и гражданские свободы, но и распространение грамотности во всех слоях населения. Только грамотное население может быть консолидировано с помощью национальной культуры. Итак, нацию, в отличие от этноса, объединяет не столько кровнородственная связь, сколько, помимо экономических и политических факторов, национальный характер и национальная психология, национальные идеалы и национальное самосознание. Этот психологический и идеологический облик нации ярче всего выражает национальное искусство. Недаром искусство считают средоточием национальной культуры. Особую роль в формировании национальной культуры играет философия. Именно в ней основа национального единства осознается в ясной теоре-

тической форме и выражается в виде так называемой «национальной идеи».

Национальная психология в основном формируется стихийно, под воздействием случайных факторов. Национальное самосознание артикулируется сознательными усилиями национальной интеллигенции. Поскольку духовная культура концентрированно выражает самосознание нации, интеллигенцию считают субъектом и творцом национальной культуры. Без национальной интеллигенции и духовной жизни народ не в состоянии ясно осознавать и выражать свои национальные интересы. Но когда национальная культура страдает от неразвитости общенациональной жизни, от безграмотности и ограниченности народного большинства, становится ясно, что интеллигенция, будучи движущей силой национальной культуры, не является ее единственным творцом: за ее спиной должно стоять активное и грамотное национальное большинство.

Промежуточными звеньями от этноса к нации являются *субэтнос* и *суперэтнос*. Суперэтнос – социально-этническая система, возникающая в силу природных и социально-исторических причин из нескольких этносов. Объединение этносов в суперэтнос происходит на базе определенной этнической доминанты. Так, арабский суперэтнос сформировался из отдельных племен на базе ислама, византийский – на базе православия, российский – на основе российской государственности. Субэтнос – этническая система, возникающая внутри этноса и отличающаяся своими хозяйственными, бытовыми, культурными и другими особенностями. Субэтнотами в истории русского народа являются поморы, старообрядцы, казаки.

Некоторые исследователи считают, что в Новое время перед каждым малым народом объективно вставала дилемма – или сохранять свои национальные традиции в ущерб социальному развитию, или идти по пути социального прогресса, пожертвовав своей историей. Немаловажную роль в решении этого вопроса сыграло образование национальных государств. Для каждой нации характерно создание единого семиотического поля – системы общеизвестных всем ее представителям знаковых средств (язык, традиционные формы поведения, символика – бытовая, художественная, политическая и пр.), которые обеспечивают их взаимопонимание и повседневное взаимодействие.

Проблема, возникающая при трансформации множества однотипных общин-социумов в на-

цию, состоит в том, чтобы перевести оптимальным способом и наиболее естественным путем все богатство культурных форм, накопленное за тысячелетия предыдущими поколениями, в новые нормативные и ценностные системы. Сложность этой задачи в том, что одновременно с таким переходом меняется сам тип культуры: из «культуры текстов» она превращается, по выражению Ю. Лотмана, в «культуру грамматики». [12]. В нацию народ «входит» с тем культурным богатством, которое он сохранил.

В нынешний период глобализации процесс «утрачивания» культурных ценностей, по признанию подавляющего большинства исследователей, резко усилился и до крайности обострил все процессы. В то же время концепт «менталитет», на наш взгляд, сегодня остается надежным методологическим основанием понимания концепта «этнос» в культурологическом знании.

Примечания

1. Вундт В. Проблемы психологии народов. – СПб., 2001. – 160 с.
2. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1995. – 316 с.
3. Уорд Л. Психические факторы цивилизации. – СПб., 2002. – 352 с.
4. Гуревич, А. Я. История историка. – М., 2004. – 288 с.; а также: Гуревич, А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М., 1970. – 224 с.; Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. – 283 с.; Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М., 1993. – 328 с.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. – М., 1990. – С. 80.
6. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989. – 250 с.
7. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – 412 с.
8. Гумилёв, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. – М., 1993. – 544 с.
9. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2003. – 640 с.
10. Гумилёв, Л. Н. О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий / Геогр. о-во СССР. – Л., 1967. – Вып. 3: Этнография. – С. 3–17.
11. Балибар, Э., Валлерстайн, И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М., 2003. – 272 с.
12. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. – СПб., 2000. – 704 с.